

Акундинов (Акиндинов, Анкидинов, Анкудинов) Тимофей Демидович (1617-1654) - самозванец, выдававший себя то за сына, то за внука (по женской линии) царя Василия Шуйского и претендовавший на московский престол, автор писем и стихотворной декларации. Родился в Вологде, в семье стрельца, который служил у архиепископа Варлаама и одновременно вел торговлю холстом. 19-ти лет А. был в "пищиках" в вологодской съезжей избе. Переехав в Москву, стал подьячим в приказе Новой Чети, где ему покровительствовал известный администратор и дипломат дьяк Иван Патрикеев.

Около 1643 г. А. бежал в Польшу. Подьячий Константин Евдокимов Конюхов (Конюховский), бежавший вместе с ним и сопровождавший его в странствиях, показал позднее под пыткой, что в ночь перед побегом А. сжег свой дом - вместе с нелюбимой женой, которую там намеренно запер, прежде вывезши детей к подьячему Ивану Пескову. Трудно сказать, соответствует ли это действительности. По-видимому, бегство А. и Конюхова из Москвы было как-то связано с опалой, которая постигла их покровителя Ивана Патрикеева после его неудачной поездки в Данию за женихом для царевны Ирины Михайловны (посольство вернулось в сентябре 1642 г.).

В Польше А. объявил себя гонимым царевичем. Есть сведения, что он был представлен королю и взят на дворцовое содержание. Однако после вмешательства русских послов А. пришлось уехать в Турцию. В Царьграде он старался заручиться поддержкой султана, для чего, между прочим, "побусурманился". Но и принятие магометанства мало ему помогло. С помощью сербов самозванец в 1648 г. перебрался в Рим, где ходатайствовал перед папой о признании своих прав на московский трон, взамен обещая обратить русских в католическую веру (сам А. здесь перешел в католичество и, как отмечают источники, принимал "сакрамент").

Когда и эти надежды потерпели крушение, он через Австрию, Венгрию и Польшу уехал на Украину к Богдану Хмельницкому. Московские представители настойчиво хлопотали о выдаче беспокойного авантюриста. Хмельницкий отказал, сославшись на то, что у него на Украине, как и в области Войска Донского, всякому пришлому "вору" жить вольно. Тем не менее А., наслышанный о непостоянном нраве гетмана, отправился в новые скитания.

Мятежи, вспыхнувшие в 1650 г. в Пскове и Новгороде, вселили в самозванца надежду, что позиции новой русской династии все еще шатки. А. добрался до Ревеля, откуда собирался "шпиговски, или лазутчески" пересылать в Псков пропагандистские "грамотки". Однако мятежи были тотчас же подавлены, и А. в 1651 г. переехал из Ревеля в Швецию, где в который раз переменял веру (на этот

раз он перешел в лютеранство), затем жил в Нарве и Кенигсберге. Но конец авантюры был уже близок.

В 1652 г. шведские власти позволили людям русского посланника схватить в Ревеле Конюхова, который 28 мая был доставлен в Москву. А. (в обмен на некоторые торговые уступки) выдала в 1653 г. Голштиния, где он пытался найти новое убежище. По дороге пленник тщетно пытался покончить с собой, в Москве был допрошен в застенке, уличен на очной ставке своей матерью инокиней Стефанидой (в миру Соломонидой) и четвертован.

А. был образованным и одаренным человеком. Конюхов рассказывал, что А. еще в Москве "звездочетные книги читал и остроломейского ученья держался... и в Литве он и досталь того научился". Литературное наследие А. довольно обширно. В основном это - эпистолярная проза, в том числе письма и послания к Конюхову, к дубровницкому князю Милутину, к русскому резиденту при Богдане Хмельницком Василию Унковскому и др. адресатам. Письма А. - это не столько документы, сколько публицистика. Поскольку А. старался доказать, что он законно претендует на московский трон, то и письма свои он стилизовал как "царские письма". Стилизация эта, естественно, опиралась не на реальные тексты, вышедшие из-под пера членов царствующего дома, а на представления самого А. о том, как должен говорить и писать монарх. А. придумывает некий "царский язык" - макаронический, ритмизованный, изобилующий метафорами. Эти образцы "царского языка" чрезвычайно важны для изучения психологии и истории русского самозванства, потому что из всех самозванцев только А. оставил столь обширное эпистолярное наследие.

А. вошел также в историю русской книжной поэзии. 11 декабря 1646 г. он подал в Царьграде русским послам написанную неравносложными стихами декларацию, в которой заявлял о законности своих притязаний (декларация сохранилась в делах Посольского приказа и была обнаружена в 1960-х гг. Ю. Б. Симченко). В декларации есть очевидные полонизмы ("я естем", "Польска"), однако и метрика ее, и стилистика в общем типичны для "приказной школы" (А. был подьячим и вращался в той же среде, что и приказные поэты). Однако русским послам в Царьграде декларацию подавал не подьячий, а "государевич", как выражался А. Значит, мерную речь он тоже считал разновидностью "царского языка". Как известно, царь *Михаил Федорович* ценил искусство слагать вирши. Может быть, А. полагал (ошибочно или нет), что царь Михаил и сам пробует свои силы в стихотворстве. Тогда стихотворная декларация поддельного "государевича" становится понятной и как памятник "царского языка".

До сих пор наследие А. издано только частично и исследовано явно недостаточно. Между тем его надо изучать в целом (эпистолярную прозу, поэзию, вымышленные родословные, поддельные грамоты) - и не только как исторический источник, а как литературную "игру в царя".

Изд.: Шмурло Е. Ф. Римская курия на русском православном Востоке в 1609-1654 годах. Прага, 1928. С. 174-180, 279; Мошин В. А. 1) Руски самозванца и Дубровник // Исторички зборник. Загреб, 1952. Т. 5, № 1-2. С. 71-84; 2) Из переписки самозванца Тимошки Акундинова // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. 2. С. 309-313; Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 85-90, 366. (Б-ка поэта, большая серия).

Лит.: Соловьев С. В. Тимошка Акиндинов. Одиннадцатый самозванец // Финский вестник. Гельсингфорс, 1847. № 13. С. 1-38; № 14. С. 1-34; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1894. Кн. 2, т. 6-10. Стб. 1286, 1497-1500, 1601-1608, 1644-1649; Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913. С. 172-173; Мошин В. А. Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 491-511; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVIII-XIX вв. М., 1967. С. 70-78; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 78-81.

А. М. Панченко

Александр (30.XI.1603-17.XII.1678) - епископ Вятский и Великопермский, автор "Отписки" царю, письма Паисию Газскому, вопросов и ответов к Собору 1666 г., а также службы Логину Коряжемскому и "Сказания о зачале Николо-Коряжемского монастыря". Будущий епископ А. родился в г. Сольвычегодске, в 1631 г. постригся в монахи в Николо-Коряжемском монастыре, в 1643 г. избран игуменом, а в 1651 г. назначен архимандритом в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. 3 июля 1655 г. рукоположен патриархом Никоном в епископы Коломенские и Каширские, взамен лишённого епархии и сосланного епископа Павла Коломенского. 5 декабря 1657 г. А. переведен во вновь образованную Вятскую епархию, куда прибыл 4 апреля 1658 г. Вятским епископом он оставался до 8 января 1674 г., когда самовольно ушел на покой в Николо-Коряжемский монастырь, где принял схиму и скончался (даты рождения и смерти А. устанавливаются по Кормовой книге Николо-Коряжемского монастыря).

Из всех членов русского епископата, не считая рано умершего епископа Павла Коломенского, А. был наиболее близок к старообрядческой партии, на церковных соборах исподволь отстаивал ее интересы, а после ухода Никона с московского патриаршества (в июне 1658 г.) открыто выразил свое несогласие с церковными реформами, проведенными патриархом. Вынужденный следовать церковной дисциплине, А. неизменно ставил свои подписи под решениями соборов и на словах признавал реформированные книги и обряды, хотя в своей епархии всячески тормозил проведение реформ в жизнь. У А. в Москве и на Вятке находили прибежище гонимые старообрядцы, как, например, игумен Феоктист, которому епископ давал списывать важные государственные документы. Старообрядческие руководители присылали А. для отзывов и исправлений свои сочинения (Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 313-314), просили собрать те или иные материалы для обличения обрядовых нововведений Никона и исправленных при нем богослужебных книг. Собранные А. материалы старообрядцы широко использовали. Так, среди отобранных властями у игумена Феоктиста при его аресте документов упомянуты сочинения, написанные, как пояснил Феоктист, епископом А.: "Две тетради о